

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

О.Ю. Рыбаков*, С.В. Тихонова**

ДОКТРИНА ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА И ФИЛОСОФИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА: ВОЗМОЖНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме эволюции доктрины естественного права. Авторы полагают, что она детерминирована развитием как общественных отношений, так и философско-правовой мысли. Сегодня развитие техники делает возможным автоэволюцию человека, и ближайшие ее рубежи рефлексированы философией трансгуманизма. Переосмысливая человеческую природу, доказывая, что ее основой является стремление человека совершенствоваться, пересоздавать себя, перекраивать биологию, трансгуманисты выдвигают свою версию философии естественного права. Базовым для нее является постулат морфологической свободы, раскрывающимся в праве изменять свое тело в соответствии со своими желаниями. Трансгуманисты все чаще инициируют дебаты по этическим и правовым аспектам применения биотехнологий и развивают философию естественного права в направлении адаптации к новым технологическим условиям. Однако от доктринального закрепления их попытки пока далеки. Авторы анализируют правовые идеи трансгуманизма, способные интегрировать трансгуманистический идеал в доктрину естественного права исходя из реалий современности. На примере права на репродукцию показывают, что современный трансгуманизм способен концептуально обогатить доктрину естественного права, расширив ее содержание. Коммуникация теории прав человека и философии трансгуманизма могла бы содействовать доктринальному закреплению принципа автономии личности, имеющей естественное право на поиск счастья, раскрывающийся в новых естественных правах.

Ключевые слова: юриспруденция, философия права, трансгуманизм, правовая доктрина, юснатурализм, технологический детерминизм, правовое развитие, естественные права, право на репродукцию, вспомогательные репродуктивные технологии.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.2.10192

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-03-00118

Доктрина естественного права сегодня является одним из важнейших элементов правовой системы, определяющим содержание нормативных предписаний, регулирующих общественные отношения. Ее вклад в формирование в доминирующий тип правопонимания, в соответствии с которым функционирует и развивается российская

© Рыбаков Олег Юрьевич, Тихонова Софья Владимировна

* Доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российской правовой академии Министерства юстиции РФ [Rybakov-OY@yandex.ru]

127051, Москва, Большой Каретный пер., д.10а.

** Доктор философских наук, профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии [segedasv@yandex.ru]

410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1.

правовая система, общеизвестен. Природа правовых доктрин, представляющих собой научно обоснованные, авторитетные воззрения и теории, предполагает динамичность, процессуальность самого явления – теории и концепции в соответствии с базовыми принципами научного знания регулярно обновляются по мере приращения новых данных. Доктрина естественного права не является исключением, для нее также характерно обновление содержания и включения новых положений.

Естественное право определено природой человека и существует независимо от конкретных социальных условий и признания со стороны государства. Определяется оно человеческим разумом, но процесс этого определения приводит к «сериям» формулировок. Изменчивость содержания доктрины естественного права была зафиксирована Рудольфом Штаммлером, выдвинувшим тезис о том, что содержание естественного права исторически изменчиво, изменение социальных реалий приводит к требованиям реформы права. Меняются исторические условия – появляются новые правовые идеи.

Развитие доктрины естественного права тесно связано и с развитием самой системы прав человека. Для последней характерно закономерное усложнение внутренней структуры в процессе истории. Одной из попыток зафиксировать исторически изменчивый характер естественного права является концепция «поколений прав человека». При всей ее метафоричности и условности, не раз вызывавшей критику в отечественной юридической науке¹, она отражает исторический характер содержания естественного права, их тесную связь с характером и направлением социального развития. Усложнение социума вызывает к жизни новые возможности, новые грани человеческой свободы, кристаллизующиеся в новых конструкциях прав человека. Последние годы отмечены довольно неоднозначной полемикой о формировании прав четвертого поколения. Ученые все чаще начинают относить к четвертому поколению прав человека права в области информационных технологий и биотехнологий.

Как появляются такие конструкции? Очевидно, что формирование новых правовых идей детерминировано как социальным

развитием (появлением новых видов общественных отношений), так и развитием общественного сознания, появлением в нем новых теоретических взглядов. Думается, что формы такой детерминации различны, чаще она бывает опосредованной. В современном коммуникационном пространстве правовая доктрина связана обратной связью с научными и философскими теориями, на которые она опирается, при этом и сама доктрина, и первичные теории отвечают на вызовы социального развития, испытывая влияние друг друга.

В рамках данной статьи мы обратимся к вопросам, связанным с возможной трансформацией доктрины естественного права, инициируемой появлением новых технологий, внедрение которых вызывает изменения в биосоциальной природе человека. Проблемы отношения человека и техники подвергались осмыслению на протяжении всего XX века и привели к формированию особой методологической установки – технологического детерминизма. Технологические детерминисты считают, что развитие техники ускоряет социальное развитие и лежит в его основе. Однако довольно быстро становится очевидным, что техника может менять не только социальное развитие, но и самого человека.

Во второй половине XX века в англоязычной философской традиции широкое распространение получила радикальная форма технологического детерминизма – трансгуманизм. Под последним принято понимать философское учение, согласно которому человек может и должен управлять своей эволюцией с помощью созданных им технологий. Технологии, на которые уповают трансгуманисты, получили название конвергентных, поскольку развитие группы одной из них (информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии и когнитивные технологии) зависит от развития другой и, в свою очередь, обеспечивает ее ускорение.

В последние десятилетия трансгуманизм трансформируется в академическое философское течение благодаря работам Ника Бострома, Андерса Сандберга, Джулиана Савулеску и др. Однако он был и продолжает оставаться социальным движением, объединяющим усилия людей по созданию, внедрению и популяризации технологий, совершенствующих человеческое тело, минимизирующих старение, элиминирующих смерть.

Переосмысливая человеческую природу, доказывая, что ее основой является стремление человека совершенствоваться, пересоздавать себя, перекраивать биологию, трансгу-

¹ Золотухин В.С. К вопросу о концепции «третьего поколения прав человека» или «прав солидарности» // Советский ежегодник международного права. 1989–1990–1991. М., 1992; Варламова Н.В. Третье поколение прав человека? // Российский юридический журнал. 2011. № 2 (77).

манисты выдвигают свою версию философии естественного права.

Базовым для нее является постулат морфологической свободы, раскрывающийся в праве изменять свое тело в соответствии со своими желаниями. А. Сандберг определил морфологическую свободу как расширение права человека на собственное тело, переход от владения им к его изменению по собственному желанию². Он вывел это право из права на свободу, вытекающего из права на жизнь и права на поиск счастья. Трансгуманисты все чаще инициируют дебаты по этическим и правовым аспектам применения биотехнологий и развивают философию естественного права в направлении адаптации к новым технологическим условиям. Однако от доктринального закрепления их попытки пока далеки.

Одновременно сам технологический прогресс инициирует изменения права «снизу», так что усилия трансгуманистов ложатся на уже подготовленную почву. Попытаемся очертить логику развития правовых идей, способных интегрировать трансгуманистический идеал в доктрину естественного права, исходя из реалий современности.

Возможность улучшать себя люди сегодня имеют с помощью эстетической медицины и репродуктивных технологий. Самоулучшение³ отличается от лечения тем, что лечение позволяет вернуть в норму (восстановить) ту или иную функцию организма, а самоулучшение дает возможность организму выполнять функцию, которой у него ранее не было или не могло быть на данном этапе онтогенеза. Отметим, что любая форма протезирования, независимо от степени технологической сложности, является лечением.

Эстетическая медицина, хотя вызывает известный скепсис и определенное неодобрение, получила достаточно широкое распространение довольно быстро, поскольку эстетические предпочтения так или иначе опираются на физическое совершенство как идеал здоровья, а значит, могут быть интерпретированы в привычных для общественного сознания терминах лечения.

Принципиально иной оказалась ситуация с репродуктивным здоровьем. Репродуктив-

ное здоровье означает, что у людей есть возможность иметь доставляющую удовлетворение и безопасную половую жизнь и что у них есть возможность воспроизводить себя, и что они вольны принимать решения о том, делать ли это, когда делать и как часто⁴. Репродуктивное здоровье эквивалентно способности продолжать свой род, социальную значимость которой трудно переоценить.

С юридической точки зрения воспроизведение себя обуславливает возникновение родительских прав, предполагающих биологическую (кровную) связь ребенка и его родителей. Каждому обществу известно и альтернативное, «социальное» основание приобретения родительских прав – усыновление (удочерение). Юридическая конструкция родительства при усыновлении идентична биологической модели при отсутствии биологической связи. Основой заботы о детях всегда был материнский (отцовский) инстинкт, в высокой степени обеспечивавший альтруистическое поведение родителей по отношению к детям. Возможность «перенаправлять» этот инстинкт на других детей вне кровного родства никогда не отрицалась, однако кровная связь родителей и детей всегда имела особую правовую охрану. В современном обществе эта тенденция сохранена.

Статья 16 Всеобщей декларации прав человека гласит, что семья является естественной и основной ячейкой общества, согласно ст. 25 Декларации материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. В Конституции РФ родительские права определены как забота о детях, их воспитание, являющиеся одновременно правом и обязанностью родителей (ч.2 ст. 38).

Соответственно, участие в процессе репродукции трактуется биологически детерминированное. Однако правовая основа такого участия всегда имела опосредованный характер. На протяжении человеческой истории утверждения о том, что у человека есть право, данное богом или природой, «плодиться и размножаться» стали общим местом. Упоминания о продолжении рода как естественном законе (праве) можно найти в правовых учениях со времен Античности. Действительно, право на самовоспроизводство естественно, т.е. вытекает из факта существования челове-

² Sandberg A. Morphological Freedom– Why We not just Want it, but Need it // TransVision Conference Berlin, June, 22–24, 2001. URL: <http://www.aleph.se/Nada/Texts/MorphologicalFreedom.htm>.

³ Трансгуманистический термин, означающий улучшение человеческого тела с помощью биомедицинских технологий.

⁴ Народонаселение мира в 2004 году. Десять лет Каирскому консенсусу: народонаселение, репродуктивное здоровье и глобальные усилия по искоренению нищеты. Нью-Йорк: Фонд Организации объединенных наций в области народонаселения, 2004. С. 45.

ка как такового. Однако логический вывод этого права из биологической природы человека, его этическое обоснование дает ему категориальный статус научной абстракции, которую невозможно прямо закрепить легально в тех обществах, в которых медицина не достигла определенного порога развития, а репродукция возможна только в естественной форме, заложенной природой.

Во-первых, эффективность участия в репродукции зависит от наличного репродуктивного здоровья родителей, которое вне медицинской помощи от них не зависит. Законы физиологии не подвластны правовому регулированию.

Во-вторых, естественная репродукция неосуществима отдельным индивидом и неотделима от личных неимущественных отношений гетеросексуальных пар. Закрепление права на репродукцию требует корреспондирующей обязанности, потенциально приходящей в противоречие со свободой личности. Иначе говоря, право на репродукцию одного индивида означает принудительную беременность или принудительное участие в зачатии другого индивида. Учитывая, что права какого-либо лица или группы лиц могут быть ограничены только в том случае, когда их осуществление ограничивает такие же или сопоставимые права других лиц, мы получаем невозможность легального закрепления права на естественную репродукцию.

В-третьих, принцип равноправия мужчин и женщин «подрывается» асимметричностью их физиологического вклада в репродукцию, что отражено в развитии социального института семьи и уравнивающей правовой политике по защите материнства, отцовства и детства. Интересно, что сегодня принцип равноправия мужчин и женщин при реализации репродуктивных прав трактуется как а) равный доступ к информации о состоянии своего репродуктивного здоровья, о методах планирования семьи и б) свобода репродуктивного выбора.

Поэтому возможность участия в репродуктивном процессе юридически определялась как следствие права на свободу и личную неприкосновенность (физическая неприкосновенность), поскольку запрет или принуждение участия в зачатии ограничило бы личную свободу, а лишение репродуктивной функции предполагает насильственное медицинское вмешательство.

Однако научно-технический прогресс и, особенно, развитие медицины, изменили репродуктивные возможности человека, повысив безопасность прерывания беременности,

эффективность контрацепции и лечения бесплодия. Их внедрение и распространение во многом было связано с активной борьбой за права женщин. В итоге во второй половине XX века в резолюциях международных конференций формулируется идея нового естественного права – «права на репродукцию». Приведем кратко основные вехи его истории.

В 1968 г. на Международной конференции по правам человека (Тегеран) была сформулирована концепция права на репродуктивный выбор. Согласно ст. 16 Воззвания Тегеранской конференции родители обладают неотъемлемым правом свободно и с чувством ответственности определять число детей и сроки их рождения⁵.

В 1985 г. Третья всемирная конференция по положению женщин «Всемирная конференция для обзора и оценки достижений десятилетия женщины ООН: равенство, развитие и мир» (Найроби) провозгласила репродуктивные права важнейшим условием завоевания женщинами равноправного статуса в обществе.

В 1994 г. в итоговом документе Каирской конференции по народонаселению и развитию репродуктивное здоровье и права обозначены как «краеугольный камень расширения прав и возможностей женщин». Принцип 8 принятой на Каирской конференции «Программе действий» гласит: «Государствам следует принимать все соответствующие меры для обеспечения на основе равноправия мужчин и женщин всеобщего доступа к медицинскому обслуживанию, в том числе к услугам по охране репродуктивного здоровья, которые включают услуги, связанные с планированием семьи и сексуальным здоровьем. В рамках программ в области охраны репродуктивного здоровья должен обеспечиваться самый широкий спектр услуг без принуждения в любой форме. Все супружеские пары и отдельные лица имеют основное право свободно и ответственно решать вопрос о числе своих детей и продолжительности периода между их рождением и на получение необходимых для этого информации, образования и средств»⁶.

В 1995 г. Пекинская декларация, принятая на четвертой Всемирной конференции по по-

⁵ Воззвание Тегеранской конференции (Принято в г. Тегеране 13.05.1968 Международной конференцией по правам человека): Электронный документ. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=15153> (дата обращения – 20 октября 2013 г.).

⁶ Программа действий Международной конференции по народонаселению и развитию, Каир, 1994 год: Электронный документ. URL: http://www.r-komitet.ru/s_i_d/kair1.htm (Дата обращения – 20 октября 2013 г.).

ложению женщин, провозгласила, что «четкое признание и подтверждение права всех женщин на контроль за всеми аспектами своего здоровья, в частности их собственной фертильностью, имеют основополагающее значение для расширения их возможностей» (ст. 17).

Использование термина «право на репродукцию» в научной литературе подкреплялось успехами в развитии технологии экстракорпорального оплодотворения⁷. С конца XX в. он регулярно появляется в научной литературе⁸, посвященной проблемам правового регулирования вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). К последним относят группу технологий, направленных на достижение беременности пациенткой, при которых отдельные этапы зачатия или весь его процесс полностью осуществляются вне организма матери. К ним относят такие медицинские технологии, как внутриматочную инсеминацию, экстракорпоральное оплодотворение, внутриплазматическую инъекцию сперматозоида в яйцеклетку, культивирование эмбрионов, криоконсервацию ооцитов, сперматозоидов, эмбрионов и т.д., а также донорство сперматозоидов и яйцеклеток, суррогатное материнство.

Следует отметить, что ВРТ применяются как метод лечения бесплодия. Поэтому, хотя их распространение и усилило призывы к легальному закреплению права на репродукцию⁹, более жизнеспособной оказалась модель репродуктивных прав, которая рассматривает успешную репродукцию как результат реализации комплекса прав личности, начиная от права на жизнь и заканчивая правом на медицинскую помощь. О.Б. Кожеурова считает ядром репродуктивных прав право на физическую неприкосновенность, предполагаю-

щую невозможность насильственного лишения сексуальных и репродуктивных качеств посредством принудительного брака, хирургических вмешательств, небезопасных методов контрацепции, принудительной беременности и др.¹⁰ Эта модель предполагает опосредованное регулирование процесса репродукции разрозненными нормами, относящимися или к конституционному, или к семейному, или к формирующемуся медицинскому праву, которые в целом могут быть рассмотрены как межотраслевой институт. Его центральные специализированные нормы предусматривают правовое регулирование применения вспомогательных репродуктивных технологий (ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан»), искусственного прерывания беременности (ст. 56 указанного Закона), медицинскую стерилизацию (ст. 57 Закона).

На сегодняшний день они во многом противоречивы и пробельны, что во многом объясняется конфликтом принципа государственного невмешательства в личную жизнь граждан и государственной правовой политики по поддержке семьи, продолжающей поддерживать гендерную асимметрию репродуктивных прав. В частности, ст. 55 Федерального закона «Об основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» указывает в качестве стороны договора суррогатного материнства потенциальных родителей либо одинокую женщину, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям, что исключает участие в таком договоре одинокого мужчины. Понятие «одиночество» и его степень в законе не раскрывается.

Применение вспомогательных репродуктивных технологий вызывало и продолжает вызывать бурные этические дискуссии в связи с так называемым «разобщением зачатия» и проблемой статуса эмбрионов. Разобщение зачатия, т.е. включение в процесс действий медицинского персонала и увеличение числа родителей с двух до пяти (доноры яйцеклетки и сперматозоида, суррогатная мать, супруги-заказчики, которые намерены стать социальными родителями) интерпретируют как нарушение права ребенка на естественное развитие, разрушение родственных связей и деперсонализацию брачных отношений, а эмбрионы

⁷ Первый случай успешного применения – 1977 г. (рождение Луизы Браун).

⁸ Иногда он отождествляется с правом на материнство, трактуемым как право женщины на искусственное имплантирование эмбриона.

⁹ Например, Т.А. Шумилова считает, что право на репродукцию существует, но не подвергнуто юридическому определению и закреплению. Указанное право является естественным правом человека, поэтому следует дополнить Конституцию РФ нормой, провозглашающей, что каждый человек имеет право на репродукцию в соответствии с законодательством РФ. Автором обосновывается равное право как мужчин, так и женщин на репродукцию и предлагается дополнить Конституцию РФ нормой, из содержания которой следовало бы, что каждый человек имеет право на репродукцию в соответствии с действующим законодательством (Шумилова Т. А. Конституционно-правовое регулирование равенства родительских прав и обязанностей в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003).

¹⁰ Кожеурова О.Б. Репродуктивные права человека в современной России // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2009. №1 (20): в 2-х ч. Ч. 1. С. 87.

отождествляют с человеческой личностью. Мы далеки от идеи признания за эмбрионом статуса субъекта правоотношений, однако это не значит, что эмбрионы человека могут быть приравнены к вещам, а манипуляции с ними – осуществляться вне особого правового режима. В отечественной цивилистике доминирует подход, согласно которому использование правовых конструкций вещного права, права собственности в отношении человеческого тела и человеческого материала противоестественно¹¹. Телесная оболочка человека не существует отдельно от человека, она выступает неотъемлемым компонентом индивида, поскольку без нее жизнь невозможна. Поэтому человек распоряжается своим организмом не на основе права собственности, а через совершение правомерных действий по реализации права на физическую неприкосновенность. Распоряжение телом не имеет вещной природы, что отражено в правовых нормах, регулирующих трансплантацию и донорство: они направлены на то, чтобы избежать включения человеческих материалов в гражданский правооборот. Поэтому донорами тканей и органов выступают только родственники и умершие люди, в целом донорство (включая донорство эмбрионов, спермы, яйцеклеток) осуществляется на условиях запрета извлечения донором финансовой выгоды. Прямая коммерциализация рассматриваемой сферы однозначно повлечет дегуманизацию общественных отношений, унижение человеческого достоинства и вызовет к жизни новые виды преступности.

Особенно наглядными последствия коммерциализации делает проблема суррогатного материнства. В последние годы намечается тенденция к обоснованию умаления прав суррогатной матери, выражающаяся в требованиях законодательно закрепить невозможность возникновения у суррогатной матери родительских прав. Социальная доктрина родительства, характерная для современного семейного права, вероятно, создает иллюзию инструментальности биологического материнства (беременности, родов, лактации) по отношению к материнству социальному (воспитанию ребенка). В свою очередь, недифференцированность понятия «материнство» в отечественном законодательстве подкрепляет эту ошибку. В обществе сегодня действуют

две конфликтующие установки – «не та мать, которая родила, мать та, кто воспитала» и «человек должен быть благодарен той, которая подарила ему жизнь». Обе имеют силу риторических аргументов, затемняя то обстоятельство, что для общества, государства и отдельного человека равно важны как биологическая репродукция, так и социальное родительство, которые выступают последовательными этапами формирования человеческой личности, не отменяющими и не заменяющими друг друга.

Попытки рассматривать беременность и роды как труд, работу или услугу, направленные на доведение генетического материала заказчика до должного качества, проблематичны именно по вышеуказанным причинам. Телесное отношение ребенка с вынашивающей матерью было и будет одним из важнейших аспектов родительства. Очевидно, что основная мотивация суррогатных матерей – это финансовое вознаграждение, однако это не значит, что их миссия чужда гуманизма и альтруизма, не заслуживает уважения и не подпадает под понятие охраняемого государством материнства. Конечно, суррогатное материнство – это всегда осуществление права репродуктивного выбора, но модель права на репродукцию описывает его сущность более точно. Суррогатная мать – один из ключевых участников репродуктивного процесса, переживающий беременность и роды. Без «проводника» в мир в ее лице новая жизнь так и остается потенциальной.

Более того, беременность, роды и лактация физиологически детерминируют отношения мать–дитя, стимулируют материнский инстинкт, роль которого для качественного исполнения социальной роли матери мы отмечали выше. Сегодня легально закреплен запрет на вынашивание суррогатной матерью эмбриона, в отношении которого она выступила донором яйцеклетки. Этот запрет направлен на ослабление биологической связи между суррогатной матерью и выношенным ею ребенком. Однако универсальной силы он не имеет, поскольку биологический инстинкт запускается не по факту кровного родства матери и эмбриона (на начальном этапе беременности имплантация любого эмбриона воспринимается как вторжение однородного организма), а в силу гормональной регуляции беременности и родов. Одни люди чувствительны к «голосу крови», другие – нет. Это обстоятельство иллюстрируется поведением матерей, чьих детей случайно перепутал медицинский персонал в родильных домах: некоторые всю жизнь

¹¹ Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2001. С. 88; Она же. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность // Законодательство. 2003. № 11. С.14.

терзались подозрениями и чувствовали, что ребенок «чужой», другие полностью принимали новорожденного как своего.

Если у суррогатной матери все же проснулся материнский инстинкт, он должен стать основой соответствующего права, поскольку биологический характер связи между матерью и ребенком является именно тем, что признан и закреплен государством. Разумеется, в этом случае обязательно возвращение предусмотренных договором суррогатного материнства выплат и затрат потенциальных родителей. Полагаем, что разумнее было бы их регулировать не на основе гражданского законодательства, а за счет введения специализированных новелл семейного права. Также высока потребность в дополнительном регулировании ситуации отказа от ребенка и потенциальных родителей, и суррогатной матери. В этом случае должны быть предусмотрены механизмы ответственности всех участников репродуктивного процесса.

Испытанием на прочность для модели репродуктивных прав оказываются такие ВРТ, как посмертная репродукция и клонирование. В первом случае используется генетический материал уже умершего человека. К технологии прибегают родственники умершего (супруги, родители, сестры, братья и т.п.)¹², однако такая практика экстраординарна и редка сегодня. Второй случай относится к запрещенным технологиям, поскольку эксперименты с клонированием человека находятся под запретом, хотя сама принципиальная возможность их успеха сомнений не вызывает. Показательно, что Декларация ООН о клонировании человека принята при активном участии Ватикана. По мнению Святейшего престола, с биологической точки зрения зачатие клонированного эмбриона человека небезопасно для человеческого рода в целом, т.к. такая асексуальная форма воспроизводства обойдет обычную стадию «перемешивания» генов и произвольно зафиксирует генотип в определенной конфигурации. Кроме того, клонирование оскорбляет человеческое достоинство с антропологической точки зрения¹³. Не вда-

ваясь в обсуждения понятия «человеческое достоинство», отметим, что принятие Декларации о клонировании инициировали преимущественно страны конкурдата или с сильным влиянием католичества. Россия не поддержала данную Декларацию ООН, ограничившись федеральным законом о временном запрете на клонирование. Последний вводит временный запрет на клонирование человека, «исходя из принципов уважения человека, признания ценности личности, необходимости защиты прав и свобод человека и учитывая недостаточно изученные биологические и социальные последствия клонирования человека» вплоть до дня вступления в силу федерального закона, устанавливающего порядок использования технологий клонирования организмов в целях клонирования человека. Сложно сказать, когда такой закон будет принят и каким будет его содержание, учитывая все возрастающее влияние Русской православной церкви в стране, занимающей в вопросе о допустимости клонирования весьма сходную с Ватиканом позицию.

В целом правовая политика в области репродукции в ряде стран приобретает явно выраженный сдерживающий консервативный характер. Приходится констатировать сужение круга лиц, имеющих доступ к ВРТ, до супружеских пар, законодательно закрепленное в ряде стран Европы уменьшение числа имплантируемых в рамках ЭКО эмбрионов, дополнительные ограничения и четкое позиционирование данного способа репродукции как «экстраординарного» метода лечения бесплодия. К.Н. Свитнев насчитывает 14 групп цензов на применение ВРТ в законодательстве стран Европы (фертильность, возраст, супружеский статус, пол, состояние здоровья, сексуальная ориентация, материальная обеспеченность, наличие в живых, кровное родство с будущим ребенком, наличие информированного согласия, религиозные запреты, доступность той или иной методики ВРТ, приверженность к вредным привычкам, вес пациентки)¹⁴. Согласно его выводам, приказ Министерства здравоохранения РФ от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их приме-

¹² Стеблева Е.В. Правовое регулирование посмертного суррогатного материнства // Семейное и жилищное право. 2011. № 3.

¹³ Соображения по проблеме клонирования человека, представленные Святейшим престолом в связи с обсуждением в Генеральной Ассамблее ООН конвенции против клонирования человека в целях воспроизводства // Архив Обсуждения проекта Международной конвенции против клонирования человека в целях воспроизводства на официальном сайте ООН. URL: daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N04/541/28/PDF/N0454128.pdf?OpenElement (дата обращения – 26 июля 2012 г.).

¹⁴ Свитнев К.Н. Вспомогательные репродуктивные технологии в новом законодательстве // Правовые вопросы в здравоохранении. 2013. №7. С. 43.

нению» сводит вспомогательные технологии репродукции исключительно к лечению бесплодия, закрывая доступ к ним фертильным людям. Кроме того, утвержденные этим приказом фактически вводятся дополнительные временные ограничения, поскольку предполагается предваряющее применение метода ЭКО для лечения бесплодия. При этом «рекомендуемая длительность обследования для установления причин бесплодия» составляет срок в 3–6 месяцев. После установления причины проводится лечение, включая лапароскопическую и гистероскопическую коррекцию, стимуляцию овуляции и терапию мужского фактора бесплодия. Лечение может быть признано неэффективным только через 9–12 месяцев. Соответственно от обращения за данным видом медицинской помощи до реального ее получения может пройти 1–2 года.

Трудно не согласиться с К.Н. Свитневым, отметившим, что многие цензы доступа ВРТ продиктованы субъективно-этическими представлениями и не имеют логических объяснений. Усиление стратегии ограничений свидетельствует о популярности у законодателей модели репродуктивных прав, реализуемых в условиях господства доктрины нуклеарной гетеросексуальной семьи.

Однако современная семья далека от этого идеала. Даже если не принимать во внимание борьбу сексуальных меньшинств за легализацию однополых браков, очевидны как высокий процент разводов, так и рост числа родителей-одиночек. Социологическая наука демонстрирует зависимость форм семьи не только от культурных, но и в первую очередь от экономических факторов, а также их непрекращающуюся эволюцию. Брак, основанный на свободном выборе мужчины и женщины, основанном на взаимной любви, возведен в ранг единственно возможной основы семейной жизни идеологией романтизма. Несмотря на всю притягательность и очарование этого идеала, приходится констатировать его исторический, временный характер. Социологи констатируют кризис нуклеарной семьи, возникновение и распространение нетрадиционных форм семьи.

Немецкий социолог М. Кеттнер, анализируя современные «идолы» сознания в понимании сути семьи, констатирует, что для современного общества характерна индивидуализация желания иметь ребенка¹⁵. Процесс

воспроизводства оценивается не столько как достижение социально значимой цели, сколько как удовлетворение желания индивида. Истории известны различные формы «расколотого» (термин М. Кеттнера) родительства, ВРТ не совершили в этом смысле принципиальной революции. Усыновление (удочерение) известны всем социальным системам, а несовпадение генетического отцовства с социальным можно считать распространенным явлением (по данным Кеттнера, в двух случаях из десяти генетическое родительство не совпадает с социальным). Сложно не согласиться с М. Кеттнером в том, что страх перед репрогенетическим (основанным на применении ВРТ), расколотым родительством является проявлением боязни будущего.

Действительно, семья – одна из базовых ценностей современного общества. Эта ценность признана международным правом и закреплена в российской Конституции. Но признание не означает возможности абсолютизировать и догматизировать ценность конкретной исторической формы семьи, позиционировать ее как нечто более значимое, чем человек, его права и свободы. Консерватизм современной репродуктивной политики позитивен только до тех пор, пока он обеспечивает дополнительное время на принятие осознанных решений в сфере трансгуманистических исканий. Но превращение его в самоцель недопустимо, поскольку чревато социальным застоєм и несчастьем отдельных людей. Законодатель сегодня оказывается между наукой и моралью, словно между Сциллой и Харибдой. Отрыв от господствующей морали сделает нормы права неэффективными. Отрыв от науки ограничит человеческие возможности. Поиск золотой середины должен опираться на гуманизм и примат ценности человека над любыми политическими целями.

В целом практика применения ВРТ не только обеспечила появление на свет нескольких поколений детей, но и ознаменовалась исчерпанием актуальности модели репродуктивных прав. Сегодня мы вплотную подходим к такому уровню социального развития, который делает реальным концепцию естественного права на репродукцию, предполагающую различные формы его реализации (естественная репродукция, репродукция с использованием ВРТ, суррогатное материнство, донорство генетического материала, посмертная репродукция). Трансгуманистическая перспектива предполагает рост автоно-

¹⁵ Приводится по: Сидорова Т.А. Концепция репрогенетического расколотого родительства М. Кеттнера // Вестник НГУ. Серия: Биология, клиническая медицина.

2007. Т.5. Вып. 7. С. 94–97.

мизации ВРТ, который приведет к асексуальной искусственной репродукции, в рамках которой человеческое размножение будет осуществляться в «лабораторных» условиях без необходимости личных контактов владельцев генетического материала. Однако сама по себе она автоматически не означает апофеоза бездуховности и отчуждения. Техника была и остается инструментом человека, который может и должен быть поставлен на службу человеческому счастью.

Трансгуманизм ставит перед собой задачи демифологизации современного юснатурализма, поиска рациональных правовых начал определения доступа людей к технологиям, способных сделать их жизнь лучше. По словам Н. Бострома, трансгуманизм призван развивать дискуссии о возможности повышения и расширения человеческих способностей в двух направлениях – вниз и вверх¹⁶. Этико-правовая мысль должна идти вниз, изучая аспекты выбора, с которым сталкиваются заинтересованные лица и лица, принимающие решения. Одновременно она не должна пренебрегать противоположным направлением, двигаясь вверх при оценке долгосрочных пер-

спектив принятия тех или иных «повышений». Движение вниз серьезно разработано биоэтической традицией, либеральная парадигма которой является «естественной средой обитания» для трансгуманизма. Тенденция сближения трансгуманизма и биоэтического дискурса способствует доктринальному закреплению принципа автономии личности, имеющей естественное право на поиск счастья, раскрывающийся в новых естественных правах, к которым относится право на репродукцию. В наше время теоретическая коммуникация между доктриной естественного права и философией трансгуманизма реальна и потенциально весьма плодотворна. Поздний трансгуманизм обосновал расширение понятия человеческого достоинства, рационализировал саму категорию «человеческое достоинство», подготовил почву для взвешенного применения биотехнологий, позволяющего минимизировать риски и увеличивать шансы на счастье конкретных людей. Воспримет ли доктрина естественного права эти достижения, состоится ли коммуникация теорий? – ответы на эти вопросы философии права еще предстоит дать.

Библиография:

1. Варламова Н.В. Третье поколение прав человека? // Российский юридический журнал. – 2011. – № 2 (77).
2. Золотухин В.С. К вопросу о концепции «третьего поколения прав человека» или «прав солидарности» // Советский ежегодник международного права. 1989–1990–1991. – М., 1992.
3. Кожеурова О.Б. Репродуктивные права человека в современной России // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2009. – №1 (20): в 2-х ч. – Ч. 1.
4. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. – М., 2001.
5. Малеина М.Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность // Законодательство. – 2003. – № 11.
6. Народонаселение мира в 2004 году. Десять лет Каирскому консенсусу: народонаселение, репродуктивное здоровье и глобальные усилия по искоренению нищеты. – Нью-Йорк: Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения, 2004.
7. Свитнев К.Н. Вспомогательные репродуктивные технологии в новом законодательстве // Правовые вопросы в здравоохранении. – 2013. – № 7.
8. Сидорова Т.А. Концепция репрогенетического расколотого родительства М. Кеттнера // Вестник НГУ. Серия: Биология, клиническая медицина. – 2007. – Т. 5. – Вып. 7.
9. Стеблева Е.В. Правовое регулирование посмертного суррогатного материнства // Семейное и жилищное право. – 2011. – № 3.
10. Шумилова Т.А. Конституционно-правовое регулирование равенства родительских прав и обязанностей в Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Саратов, 2003.
11. Bosnrom N., Savulescu J. Human Enhancement Ethics: The State of the Debate // Human Enhancement. – Oxford: University Press, 2010.

¹⁶ Bosnrom N., Savulescu J. Human Enhancement Ethics: The State of the Debate // Human Enhancement. Oxford: Universiti Press, 2010. P.19.

12. Sandberg A. Morphological Freedom – Why We not just Want it, but Need it // TransVision Conference Berlin, June, 22-24, 2001. URL: <http://www.aleph.se/Nada/Texts/MorphologicalFreedom.htm>.

References

1. Varlamova N.V. Tret'e pokolenie prav cheloveka? // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. – 2011. – № 2 (77).
2. Zolotukhin V.S. K voprosu o kontseptsii «tret'ego pokoleniya prav cheloveka» ili «prav solidarnosti» // Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1989–1990–1991. – M., 1992.
3. Kozheurova O.B. Reproktivnye prava cheloveka v sovremennoi Rossii // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. – Tambov, 2009. – № 1 (20): v 2-kh ch. – Ch. 1.
4. Maleina M.N. Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita. – M., 2001.
5. Maleina M.N. Status organov, tkanei, tela cheloveka kak ob'ektov prava sobstvennosti i prava na fizicheskuyu neprikosnovennost' // Zakonodatel'stvo. – 2003. – № 11.
6. Narodonaselenie mira v 2004 godu. Desyat' let Kairskommu konsensusu: narodonaselenie, reproductivnoe zdorov'e i global'nye usiliya po iskoreneniyu nishchety. – N'yu-lork: Fond Organizatsii ob'edinennykh natsii v oblasti narodonaseleniya, 2004.
7. Svitnev K.N. Vspomogatel'nye reproductivnye tekhnologii v novom zakonodatel'stve // Pravovye voprosy v zdravookhranении. – 2013. – № 7.
8. Sidorova T.A. Kontseptsiya reproductivnogo raskolotogo roditel'stva M. Kettnera // Vestnik NGU. Seriya: Biologiya, klinicheskaya meditsina. – 2007. – T. 5. – Vyp. 7.
9. Stebleva E.V. Pravovoe regulirovanie posmertnogo surrogatnogo materinstva // Semeinoe i zhilishchnoe pravo. – 2011. – № 3.
10. Shumilova T.A. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie ravenstva roditel'skikh prav i obyazannostei v Rossiiskoi Federatsii: Avtoref. dis... kand. yurid. nauk. – Saratov, 2003.
11. Bosnrom N., Savulescu J. Human Enhancement Ethics: The State of the Debate // Human Enhancement. – Oxford: University Press, 2010.
12. Sandberg A. Morphological Freedom – Why We not just Want it, but Need it // TransVision Conference Berlin, June, 22-24, 2001. URL: <http://www.aleph.se/Nada/Texts/MorphologicalFreedom.htm>.

Материал поступил в редакцию 27 ноября 2013 г.